

МОТИВ ЕДЫ/ПИЩИ В ПОЗДНЕЙ ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА

Аннотация

Рассматривается функционирование мотива еды/пищи в рассказе А.П. Чехова «У знакомых». Показана сюжетообразующая функция мотива в связи с категорией телесности, костюмными вкраплениями и с сюжетной метафорикой «ловушка/клетка»). Раскрыта роль алкогольного кода (коньяк, лимон).

Ключевые слова: А.П. Чехов, еда, код, коньяк, мотив, нарратив, пища.

В последнее время привлекательными для исследователей культуры стали коды повседневности. Проводятся научные конференции, издаются сборники научных статей [1; 2; 6; 7].

Пища, как необходимейшее средство существования человека, считается одним из наиболее устойчивых элементов материальной культуры любого этноса, что можно объяснить местом еды в первичной оппозиции природа / культура [9; 12].

Специальных исследований мотивов еды – гастрономического и кулинарного – в прозе А.П. Чехова в отечественной науке почти нет [см., например, 3].

В рассказе А.П. Чехова «У знакомых» (рассказ был объектом изучения в чеховедении: 5; 8) упоминаний еды не так много, однако, еда играет существенную роль в понимании замысла автора, его художественной концепции.

Рассказ начинается с письма, которое получает М. Подгорин от своих давних знакомых, которых он помнит, как Та и Ва. Он, с трепетом вспоминая о тех вечерах, которые они провели вместе, едет в усадьбу с мыслью, что не приехать – значит обидеть, а далеко не с желанием увидеть Надежду, которой когда-то мечтал сделать предложение («*То, что он давно уже не был у Лосевых, камнем лежало у него на совести*» [12; с. 8]).

Неудовольствие, которое испытывает Подгорин, связано с пониманием того, что Кузьминки уже не те, они утратили для него прежнее впечатление подобия рая. Неудовольствие подогревалось еще и тем, что приглашают его, очевидно, для юридической консультации, т.к. Лосев – муж Татьяны – разорил имение. И хотя «мужское» объединяет этих персонажей, Подгорин к Лосеву не испытывает никаких чувств, кроме безразличия.

Мужских персонажей дифференцирует отношение к алкоголю: для Подгорина – это временное состояние, часть его «мужской» жизни, не мешающая ни карьере, ничему другому («*Подгорина алкоголь вводил в холодное, безрассудное состояние, которым он пытался заглушить безразличие*» [12; с. 8]), тогда как для Лосева, не способного заняться ничем полезным, безвольного,

никчемного, – это способ уйти от настоящего с его безысходностью. Глагол «встряхнуться» (так Лосев оправдывает свои загулы) здесь несет иронический смысл: «встряхивание» значит временное освобождение от тягот и груза забот настоящего, опьянение, дарующее забвение. Повтор имени в отчестве – Сергей Сергеевич – знак «топтания на месте», ситуации, зашедшей в тупик. Как выяснится далее, Лосев – сплошное подражание; это очевидно в эпизоде первого ужина Подгорина в имении («Сергей Сергееч небрежно ткнул угол салфетки за ворот – подражая кому-то» [12; с. 13]). Деепричастие «подражая» говорит о театральности, неестественности поведения Лосева.

Брезгливость пронизывает и восприятие внешности Лосева Подгориним: «У него были крупные черты, толстый нос, негустая русая борода. Его упитанное тело и излишняя сытость стесняли его, и он, чтобы легче дышать, всё выпячивал грудь, и это придавало ему надменный вид» [12; с. 9].

Встречающие Подгорина Лосев и Надежда задают два мотива, взаимодействие которых выстраивает сюжет: «заземленности» Лосева, его избыточной телесности противостоит «воздушность» Надежды.

А.М. Турков в книге «Чехов и его время» подчеркивает связь этого рассказа с комедией «Вишневый сад», отмечая большую беспощадность в характеристике владельцев имения» [10].

Радушие, чрезмерная радость и преувеличенная приветливость, граничащая с какой-то приторностью и наигранностью, присущая хозяевам, контрастируют с «некоммуникативным» настроением главного героя. Приглашение старого знакомого к себе в имение не лишено корысти: они хотят от него, чтобы он уладил их дела с имением, которое теперь выставлено на торги. Большая ставка делается на его брак с Надеждой, ибо благополучное разрешение этого интимного вопроса, сулит для них удачную развязку в делах материальных.

За неточной цитатой из Шекспира («Что у вас тут в Кузьминках новенького? Все ли благополучно в Датском королевстве?» [12; с. 11]), в которой узнаются перефразированные слова Марцелла из трагедии Шекспира «Гамлет»: «Нечисто что-то в датском королевстве») скрыто желание Подгорина скорее закончить дела (он сразу догадался о причинах его приглашения).

Застолье – центр рассказа, именно оно демонстрирует разрушение коммуникативности, реализуя варианты обхаживания Подгорина, введение его в состояние опьянения.

В описании первого совместного ужина упоминание алкоголя – водки: «Давайте выпьем, – сказал он, наливая водки себе и Подгорину. – Пью за ваше здоровье, дружище, а вы выпейте за здоровье старого дураля-идеалиста» [12; с. 13-14]. Здесь желание Лосева закрепить за собой ярлык идеалиста, чем якобы объясняются все неудачи Лосева.

В ситуации трапезы просматриваются взаимоотношения персонажей, открываются скрытые тревоги: озабоченность Татьяны о здоровье мужа («Татьяна всё время за ужином посматривала нежно на мужа, ревнуя и беспокоясь, как бы он не съел или не выпил чего-нибудь вредного» [12; с. 14]), страх сестер относительно того, что он их бросит, решительный жест Варвары,

требующей убрать со стола водку, в котором очевидно раздражение против Лосева: *«Вы отравляете себя, Сергей Сергеевич. Вы легко можете стать алкоголиком. Таня, вели убрать водку»* [12; с. 14].

Застолье дублируется во втором, наедине с Лосевым в саду, тайком от надоевших ему своими заботами женщин: *«Выпьем, душа моя, – продолжал он, вздыхая, – а то уж очень тяжело стало»* [12; с. 19].

Коньяк в культуре является символом солидности, статусности, в отличие от водки. Предлагая коньяк, Лосев надеется устранить недоговоренность, чтобы серьезный, «мужской» разговор все-таки состоялся.

Застолье завершилось вполне ожидаемо для Подгорина – просьбой Лосева о деньгах, но, очевидно, не на благо семьи.

Подготовка этой просьбы просматривалась и в жестах еще пока трезвого Лосева, обнимающего Подгорного: *«Это выражение в глазах, что ему что-то нужно от Подгорина, производило тягостное впечатление, как будто он прицеливался из револьвера»* [12, с. 19]. И в ситуации с коньяком (*«Он говорил и зорко следил за Подгориным, как бы выжидая удобного момента. И вдруг Подгорин увидел близко его глаза, почувствовал на лице его дыхание...»* [12, с. 19]) – угадываемая поза Лосева – удав, который в любой момент готов наброситься на жертву.

Напряжение между героями пытается исправить алкоголь, но он лишь усугубляет внутреннее состояние Подгорина. Для Подгорина – это кульминация ситуации захлопнувшейся ловушки – последовательно выстраиваемой ситуации спасения имения его хозяевами. Для Лосева – полупьяное признание в готовности к самоубийству: *«Если бы не дети и не жена, то я давно бы уже покончил с собой»* [12, с. 20].

В резкую отповедь вылилась вся ненависть Подгорина к этому бесполезному и ноющему человеку: *«Посмотрите на себя в зеркало, – продолжал Подгорин, – вы уже не молодой человек. Всю жизнь ничего не делать, всю жизнь эта праздная ребяческая болтовня – неужели не надоело так жить? Тяжело с вами! Скучно с вами до одурения!»*

Сказавши это, Подгорин вышел из флигеля и хлопнул дверью. Едва ли это не в первый раз в жизни он был искренен и говорил то, что хотел» [12, с. 20].

Впечатление захлопнувшейся ловушки окончательно отравляет пребывание Подгорина в Кузьминках.

Бегство героя подготовлено постепенно: это не совсем неожиданный жест.

Своеобразное опьянение переживает Подгорин, сначала гуляя по саду с Надеждой (прогулка чуть не кончилась его внезапным решением жениться на ней), потом, танцуя с женщинами, в которых росла уверенность, что имение спасено. И неожиданно пришедшее прозрение: *«Вдруг вспомнил, что ничего не может сделать для этих людей, и притих, как виноватый»* [12, с. 18].

Мотив ожидания близкой перемены участи хозяев имения достигает своего максимального воплощения в финале рассказа, когда Надежда, почти уверенная в счастливом решении своей судьбы, когда осталось лишь только объясниться,

стоит ночью около башни, не видя, но чувствуя присутствие любимого человека. Она даже улыбается, надеясь на близкое счастье. Но ее ожидание ответного жеста со стороны Подгорина не увенчивается успехом.

«Иллюзорность» любви обязана своим качеством мужчине, для которого все, что происходило в Кузьминках, тоже было не больше, чем иллюзией, о которой он, приехав домой, через десять минут забыл.

«Романтическое» утрачено с прозрением своей участи: бегство Подгорина из имения – спасение от себя прошлого, живущего романтическими впечатлениями, не знающего жизни.

Бегство подготовлено нарастающей телесностью, которая не так остро ощущалась в состоянии опьянения.

Излишняя телесность Лосева, потерявшего имение, как бы «разлита» в атмосфере имении, наложив отпечаток на всех персонажей. Сгущается телесность в хозяйке имения и ее отпрысках («Татьяна, глядела с любовью на своих двух девочек, здоровых, сытых, похожих на булки, и накладывая им полные тарелки рису» [12, с. 14]), а также в Надежде, ожидающей его решения («Красивые ноги Нади в чулках телесного цвета...» [12, с. 18]). Чулки телесного цвета – это штрих красоты, под обаяние которой попал Подгорин, но именно эта деталь в финале приобретает негативный смысл.

И одна-единственная нотка, вносящая пока еще не ощутимый диссонанс в общее веселье, – мозоль на ноге или метафора боли, омрачающая будущее, скрытая причина состоявшегося бегства.

Так сомкнулись два мотива, разведенные в начале рассказа, мотивируя бегство Подгорина.

Таким образом, застолье как центр сюжета рассказа «У знакомых» становится ядром семантического комплекса еда/пища. Застолья героев такие же неестественные, наигранные, как и их чувства, искренность которых осталась в прошлом. То, что вызывает отвращение, герои запивают алкоголем, в частности мужские персонажи, пытаются уйти от проблем реальности. В финале рассказа теряется всякая надежда на возрождение усадьбы, которая так была прекрасна в воспоминаниях Подгорина. Сюжет представляет собой развернутую метафору несостоявшегося пожирания: строящие планы на спасение усадьбы за счет Подгорина терпят крах. Опьянение – временное состояние – снимается, с одной стороны, чувством вины, в другой – нарастающей брезгливости, связанной с переживанием чужой телесности и утраты собственной духовности.

Использованная литература

1. Загидуллина, М. Международная конференция «Пищевой код в славянских культурах» / М. Загидуллина // НЛО. – 2009. – №95. – С. 418-428.
2. Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда. – СПб.: Алетейя, 2011. – 560 с.

3. Козубовская, Г.П. Проза А.П. Чехова: архетип еды / Г.П. Козубовская // Культура и текст. – 2011. – № 12. – С. 445-464.
4. Козубовская, Г.П. Фетовский код в прозе А.П. Чехова / Г.П. Козубовская // XXII Фетовские чтения: Афанасий Фет и русская литература. – Курск: КГУ, 2008. – С. 148-162.
5. Кубасов, А.В. Нарратив и время в рассказе А.П. Чехова «У знакомых» / А.В. Кубасов // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. – 2013. – С. 138-152.
6. Марушкина, Н.С. Пища людей: культурологический аспект / Н.С. Марушкина // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – №3. – С. 327-329.
7. Мелешко, Е.Д. Феномен еды как культурный код / Е.Д. Мелешко // Гуманитарные ведомости ТГПУ. – 2017. – №4. – С. 26-30
8. Петровская, Н. И. Литературные коды в рассказе А. П. Чехова «У знакомых» : маркеры других произведений в виде цитат, аллюзий, реминисценций в рассказе А. П. Чехова «У знакомых» / Н. И. Петровская // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. Гуманитарные науки. Спец. выпуск. – Таганрог, 2008. – С. 101-105.
9. Топоров, В.Н. Еда / В.Н. Топоров // Мифы народов мира: в 2 т. Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 427-429.
10. Турков, А.М. Чехов и его время / А.М. Турков. – М.: Geleos, 2003. – 461с.
11. Фрейденберг, О.М. Семантика еды; литургия / О.М. Фрейденберг // Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. – М.: Лабиринт, 1997. – С. 53-67.
12. Чехов, А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. А.П. Чехов. Т. X. – М.: Наука, 1977. – 495 с.

Т. А. Шантай
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель: к.филол.н., доцент Т. А. Богумил

КНИДСКИЙ МИФ В РОМАНЕ М. УСПЕНСКОГО «ЧУГУННЫЙ ВСАДНИК»

Аннотация

В статье в рамках сравнительно-исторического литературоведения рассматривается «бродячий» сюжет оживания статуи, который встречается в художественных произведениях разных стран, эпох и культур. Характеризуется функционирование «Книдского мифа» в романе М. Успенского «Чугунный всадник». Делаются выводы об интертекстуальных связях данного романа с произведениями П. Мериме и А. С. Пушкина

Ключевые слова: мифопоэтика, мотив, сюжет, Книдский миф, интертекст

В трудах А. Н. Веселовского по сравнительно-историческому